

НАТАША КОРСАК

НАРОД ТРЕБУКАНУ

Океанский дневник Шторма

Наташа Корсак Народ Трибукану. Океанский дневник Шторма

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67738646

ISBN 9785005658678

Аннотация

...Я не писатель. Но мне хотелось запомнить эту историю! На счастье, под лапами оказалась печатная машинка. Что только не выбрасывают волны на берег: рыбу, корабельный хлам, бусы ламинарии и вот, пожалуйста – «Ундервуд N 5»! Сначала я писал неряшливо... И вдруг ко мне подошёл человек.

Содержание

...ф ффсе в в, ВСЕ НАЧЛОСЬ	6
СКАРАБЛЕКРУШЕНИЯ.....	
НАРОД ТРИБУКАНУ	25
ДОЛИНА НАЧАЛА НАЧАЛ	50
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Народ Трибукану Океанский дневник Шторма

Наташа Корсак

Всем человекам моим посвящается...

Но тебе, мой любопытный друг, особенно.

Ваш Шторм

© Наташа Корсак, 2022

ISBN 978-5-0056-5867-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Этот дневник – моя большая тайна. И всё же я хочу поделиться ей с человеком, который знает, что такое быть любимым. Любимым своей собакой. Живёт ли в вашем доме: Жан, Тарзан, Ральф, Рокки, Зевс? Или: Жулька, Герда, Леди, Принцесса? Так знайте – я с ними давно знаком. Все мы – породистые или дворняги мечтаем найти своего человека, чтобы раз и навсегда спасти его! Таков закон нашего древнего племени, нашего тайного острова, где правят феи и дремлют пророчества. Людей на острове не ждут. И причин на то

«ого-го» как много! На берегу и знак установлен с надписью:
«ПРОГУЛКИ С ЧЕЛОВЕКОМ ЗАПРЕЩЕНЫ!»

Но и на засекреченном острове может случиться непоправимое...

**...ф ффсе в в, ВСЕ НАЧЛОСЬ
СКАРАБЛЕКРУШЕНИЯ.....**

***ВС Ё Ё НАЧАЛОСЬ
С КРАБЛЕКРУШНЯ...***

***ВСЁ НАЧАЛОСЬ
С КОРАБЛЕКРУШЕНИЯ...***

III луна IIII месяца. Берег.

...В от Она – синяя волна – зубастая барррракуда! Вца-
налаеь... нет! Вцепилась в корму коррррабля, будто в хлеб-
ную корку и таф-АФ-афшит, и тащит ко дну! Веем-конец!
Да, всем конец! Все непременно погибнут здесь, в пасти
Атлантисес каво Атлантического океана. На этом эпизоде
неплохо было бы ланнуть пакет с-прикормом-с попокормом
с попкорном, включить какую-нибудь завывальную-вернее
трагическую песню (так делают в фильмах-кавтавстрофах),
но... Ох! Далась мне Эт а печ-Адекая мышин ка... печатная
ма-шин-ка!

Уав, разрази меня крик мартовской кошки! Ну причем
здесь ко-ра-бле-кру-ше-ние? Всё (как часто бывает у людей)
началось с глупой-преглупой ссоры. Ррр-ав, тяф-тьфу и мис-

ка с лыткой! Вернее – с глупой семейной ссоры.

Вот, вот, что мне удалось разнюхать к тому часу: забияка-Мартин жуть, как рафссердился! Ему хотелось остаться дома в Сальвадоре, где на каждом углу по парочке его друзей на спор ~~жонглировали~~ жонглировали бразильскими орехами, И за каждым поворотом

там ещё с десятков крутили капО ЭЙ РУ. Но матушка Ана и ~~вожжак~~ отец Оскар Ортисы решили по-взрослому. Думали, считали, ночами не спали, днями не ели, теле... визор вечерами не смотрели и вот решились – раз и насовсем уехать из Бразилии! Всей своей стаей... то есть семьей.

Паломе, ~~их-щенку~~ их пятилетней дочке с завидной чернильной ~~хоткой~~ чёлкой, было грустно. И она скули... плакала. Но старательно тихо, чтобы ещё хлеще не раздраконить ~~щенка-подростка~~ старшего брата. А дедушка Ортис? Старый одноглазый Дарио Ортис, привычно молчал. Хмурился, пыхтел. И всё рассматривал в размякших смор ~~Щенных~~ альбомах поблекшие фотоснимки своей геррроической юниорости юности: вот на этом он уже без глаза (таким вернулся с войны), обнимает бабушку Дженни. Это потом она стала бабушкой Дженни, а тогда звалась его ~~самкой~~, тьфу... невестой – хохотушкой Дженифер Кастро. Крафафсавица! Точно принцесса, но не из породистых! Простая принцесса с серыми глазами, ~~серой-шерстью~~ серыми волосами, и всё в таком же сером платье «под старый Париж». Или, сдаётся мне, это фотографии такие серые? Верно. В то время цвет-

ных снимков не делали. Но дедушка Ортис, помнил наверняка, что глаза у его Дженни были... синими, как в ночь созревший виноград. А платье «под Париж» она етандила пошила сама из остатков василькового ней-ло-на, что достался ей от матери. Эту фото графию Дарррио любил особенно. Сразу ему вспоминалось: вот обнял он свою еаями-сердна возлюбленную, обняла его она, как тут же отскочила и как взвоят... завизжит: «Чудище! В куртке у тебя! Ах, Господи помилуй! Дарио, да это же у тебя щенок?» Из-за пазухи молодого солдата высунулась довольная и весьма любопытная морда. Овчарррка? Что вы, больно квадратная! Ррротвейлер? Не такая уж и квадратная она. Морда была наиприятнейша

Я. Гео Метрически «+» -положительная. Нос по-медвежьи больш Ой и мокрый. Глаза как два буйных часовых механизма. Одним словом... нет, каф-афшеться, одним здесь не оп-пайтись – НЬЮ Фаундтт ленд. Ньюфаундленд! Дарио вместе с разными человеческими наградами притащил с войны ньюфаундленда. Он сказал Дженни так: «Это – Светлячок. Благодаря ему я из той бомбёжки живым выбрался. Пыль, смрад, горечь кругом. Ничего не видел я! Земля в воздухе, огонь. Тут он появился, пропищал что-то неясное, да как куснул меня за ухо. Я опомнился – жив! Жив я. И понял – ползти за ним нужно. Точно, не сворачивая. И выполз! А там и наши солдаты. Подобрали меня и в госпиталь! Как очнулся, смотрю – на груди Светлячок сидит и людей

в белом медсестер только по личному усмотрению ко мне подпускает. Тех с кормом едой он уважал. А тех, что с никами дикобраза уколами приходили, пока не обрычит – не подпустит... Дженни! Возьмём его? Возьмём! Такой друг ценней всех костей гостей... медалей!»

И взяли. Вот вам и миска с лыткой – такая история!

Так что же там делал Дарио Ортис-дедушка? Привычно молчал... и попинывал сапогом свой чемодан. Вот только альбом с фотографиями он в него и положил..жил... ...кно-ооопку заклинялооооо.....

Не умею я писать. Не бур-рду буду. Одни почеркушки! Без миски с лыткой... О, идёт! А чего это он идёт? По-годи-те. Тро е точчч еее.

!!!! ЗАМЕТКА:

~~Вот с этого места пишу грамот но...~~ Слово: крабль, ко-
рабль. Корабль. Он говорит не нужно давить на клавишу
всей лапой. Лучше печатать одним пальцем. Но там же ко-
готь... Придётся подгрызть немн-ОГО! Уф... Я же не цир-
кач! (Это рассуждение я после исчеркаю. Вдруг, увидит).
Нет! Оставляю. Пусть знает, что я не циркач. Так вот:

III луна III месяца. Берег.

Корабль «Сальвадор-Норфолк» отчалил точь-в-точь
в полдень. Волны к тому времени утомились и растянулись
по горизонту длинной мятной жвачкой. Ветер лениво гонял
воздух по всем сторонам света и никак не мог выбрать – ку-
да именно ему дуть во время обеда. Могло показаться, что
корабль стоит на месте. Но он шёл. Так медленно, что Мар-
тин, свернувшийся на своём чемодане, как енот на ягодах,
иронично воскликнул:

– Ещё немного и он пойдет назад! Этот корабль, как я.
Не хочет он в этот ваш Норфолк. И баста!

– Мартин, прекрати, – сказала матушка Ортис, – Нам
необходимо попасть в детский госпиталь. Паломе нужна по-
мощь.

– Помощь нужна Паломе, а плывем мы все! Вы никогда
обо мне не думаете! Палома, Палома, Палома! Не нужна мне
такая сестра! – тут он затопал ногами и подбежал к борту
корабля, – Я может, тоже хочу, чтоб меня замечали!

На крики Мартина тут же отозвалась старая королевская
болонка (эти светские собачки такие сентиментальные!) Она

выгуливала на палубе свою широкошляпную хозяйку, а вместе с тем проветривала свой блестящий чёрный нос. Вот нос-то и велел ей – обнюхать капризного мальчишку с кроссовок до хвоста (есть у человека хвост! Наукой доказано, «копчиком» тот зовётся...) А Мартин как завизжит! Не от страха, от неожиданности. Никогда раньше собаки не приближались к нему так близко.

– Уберите немедленно вашу... псину! – прострекотала ма-тушка Ана, – Ребёнок боится! Не видите что-ли?

– Простите, сеньора... – вежливо ответила широкошляпная дама, – Наша Поппи не причинит вашему сыну зла. К тому же у неё почти не осталось зубов! Четыре тупеньких по бокам и всё богатство, – улыбнулась дама и подхватив собаку на руки, добавила, – Она вынянчила не одно поколение детей. Страсть, как их любит! У крошки Софи однажды был страшный жар, так Поппи от неё ни на шаг не отходила. Как сейчас помню, с полуночи и до рассвета всё лоб ей лизала. Вот жар, как языком-то сняло! Так что...

– Ну, сказки, да и только! Ах, мадам, от нас-то вы чего хотите? – недоумевал Оскар.

– Я? Да палтус с вами! Ничего. Это всё моя старушка. Она всегда чует, если с человеком что-то не так, – перешла в наступление незнакомка, – Вот вы видимо отец этого семейства? Вы-то сами знаете, чего хотите?

– Абсолютной тишины и покоя! – без раздумий ответил Оскар.

– Прошу вас – уберите собаку. У нашего сына не жар! У него просто истерика. Это само по себе проходит, – настойчиво попросила даму мамаша Ортис, – А у меня... у меня аллергия! Вот на этих всех длинношёрстных... Мне бы вообще хотелось, чтоб рядом никаких собак не было! Пусть, разве что... совсем кукольные, от кукол ещё никто не чихал. Ах, почему бы не перевозить всех этих животных в коробках? Есть же специальные коробки для собак!

– В коробках, знаете ли, перевозят фарфор. Вещи разные... Всё это оставляют в багажном отделении. Там так темно, а порой и сыро, что даже фарфору должно быть страшно, – заметила дама, – Свою собаку я предпочитаю держать в более уютном месте. Вот здесь, – она приложила ладонь к сердцу и подмигнув матушке Ортис, скрылась в коктейльном зале.

– Стыд какой. Ох, Мартин... вот и привлёк к себе внимание, – покачал головой папаша Ортис, – Ведёшь себя, как эгоист! Никого, кроме себя не слышишь!

– Ах, мне так жаль Мартина, – вдруг прошептала Палома. И как заплачет, – Я одна во всем виновата. Это из-за меня вы ссоритесь. Я какая-то неправильная девочка, неудачная! У меня и друзей нет... Всё потому что я слепая, правда?

– Никто ни в чём не виноват! – сказала матушка Ортис, – Просто Мартин ничегошеньки не понимает. В семье не может быть одному хорошо, когда другому плохо! Оскар, да объясни ты ему! Ты же отец.

– Ты же – мать, Ана! Объясни сама!

– А что ж вы дедушку за собой потащили? – огрызнулся Мартин, – Ему-то было хорошо в Сальвадоре. У него там... там вроде как друг остался! И у меня друзья... – захлебываясь жарой, не унимался мальчик. Тут к нему подошёл дедушка и потрепал по плечу.

– Так, Мартин! – вскипел отец, – Объясняю в последний раз: Палома больна. И только там, по другую сторону океана, есть клиника, где можно это исправить. Я остался без работы, там, у нас дома. Никому! Слышишь? Никому не нужны первоклассные сортировщики кофейных зёрен! Со всем без нас справляются роботы-машины! Вот почему мы все покидаем Сальвадор.

– Дедушка, да хоть ты им скажи! – взмолился Мартин, – Ну и плыли бы своей семьей, а мы бы с тобой... своей, остались дома! Я стану единственным мальчишкой, который пропустит фестиваль капоэйры! У Милли скоро день рождения, и она обещала поцеловать меня в правую щёку, если я приду первым! А с Диего, с Диего бы мы проскакали на Хромом и Одноглазом по рваным холмам, если бы вы... Вы всё мне испортили! Я кажется... ненавижу вас! Скажи, скажи же им дедушка!

– Да ничего он тебе не скажет. Он нем, как пангасиус с того самого дня, как бабушки не стало. Живёт в своём панцире и всё только и вспоминает. Ах, ты корчишь мне рожи, дрянной мальчишка!? Что ж, я сейчас тебе хорошенько всыплю! –

пригрозил отец Ортис Мартину, расстегивая ремень. Но тот по-прежнему дурачился и не желал отступать.

Но не задалось, оба: и Мартин и Оскар получили внезапную порцию невидимых тумачков. Кто-то лихо поднял их в воздух, тряхнул, и вновь бросил на палубу. Дедушка Ортис не имел к этому никакого отношения. Такая взбучка пришлась на весь корабль от носа до кормы. Волны взбеленились, будто сам водяной дух исподтишка хлестал их по мягким горбам жгучей плетью. Небо взревело и выпустило на волю свору острых молний-близнецов. На корабле началась паника. И только Мартин, продолжая прыжки на своём чемодане, кричал: «Это всё из-за вас! Ах, если бы мы остались дома! Ах, если бы мы остались»...

А Палома ничего не видела! Ни паники, ни молний! Она просто прижалась к матери и сказала: «Я не верю, что мы умрём! Не верю и все тут!»

Волны играли кораблём, как играют новым резиновым мячом неуклюжие щенки белых шпичек. Мусолили его, цепляли когтями, вертели. И вот он сдался. Пошёл ко дну. Не мяч, корабль! Не знаю... может быть вся эта история на том бы и закончилась. И мне не пришлось бы сейчас мучиться с печатной машинкой... Но вот тогда в глубине моего сердца вдруг что-то заныло, я услышал шёпот: «Плыви!». Вот ещё! Я не мог покинуть остров без Её разрешения, без специального указа! Да и никто не смог бы. Но что-то в глубине моего сердца ещё настойчивей повторило: «Шторм!

Поднимай свой пушистый хвост и спасай этих людей! Быстро!». Я знал, меня ждёт наказание, но этот голос из сердца был моим собственным, собачьим голосом. Я подчинился ему и бросился в воду. Сколько их там, на корабле, этих, людей? Сотни? Но я плыл, чтобы спасти одну жизнь. Ах, если б я только знал, что со мной к тонущему судну спешили и акулы. Безжалостные и быстрые акулы-мако.

Акулы-мако... бр! Об одном упоминании о них мне хочется зарыться в самый густой мох, сложить пятки лодочкой и укрыться хвостом. Это на суше. А в воде – назвался героем, плыви бодрей! Вот их серебряные плавники, десятки острых льдин, бороздящих воду. Под каждым плавником холодное, точно железное туловище, и вечно голодная пасть! Людей акулы-мако, ах, как любят! Перепуганных и побольше. На обед или ужин – всё равно. Им вообще всё «всё равно»! Хвать-хвать... и обед окончен! Ах, если б только успеть «до»...

Корабль погибал, напрасно цепляясь мачтой за маслянистые волны. Мартин Ортис наконец отлип от своего чемодана, набитого игрушками под самый замок, и рванул к своей семье. Дарио-дедушка во всей этой суеде держался на плаву лучше любого марлина. Он подхватил Палому, и давай искать глазами берег. Но вместо него он увидел:

– Акулы! Целая стая! – объявил Дарио и сам чуть не захлебнулся от такой неожиданности. За долгие годы молчания старик позабыл, как звучит его голос.

– Это всё из-за вас! Мы все умрём! – снова завёл свою волюнку Мартин.

– Дедушка, неужели нас никто не спасёт? – простонала Палома.

Тут Дарио нащупал в кармане свой старый солдатский нож. И сам приготовился к битве с хищницами-мако. Смелый человек! Но в пасти каждой акулы росли сотни три вот таких ножей, и одной смелости тут было маловато.

Не помню, как я доплыл до людей. Но прежде я так быстро не плавал! Я ударил эту дикую рыбину в тот самый миг, когда она разинула пасть перед отважным Дарио. Не успела она оклематься, как я схватил её за хвост и швырнул высоко на Запад. Плюх!

– Пёс... Вот так диво, пёс в океане! – как мальчишка рассмеялся Дарио-дедушка.

– Здоровенный как бык, только пёс! Как он её схватил и «оп»! – вытаращился на меня Мартин, – Глядите, глядите: а там ещё акулы!

Мако пребывали. Я живо усадил себе на спину Дарио и дрожащую от ужаса Палому. Затем, не без труда, закинул и Мартина. Остальных разве что на буксир... Я уже протянул им свой хвост, как хищницы-мако вспугнули волну. Мать и отца Ортисов понесло к скале Призрачных ласточек, крошечному серому осколку, посреди океана. Я взвыл от обиды. Но вдруг появились они: бывалый Пират, взволнованная Конфетка, проказник Пушкин, хмурый Баро-Волк, Карузо, Сигара и старый боец – Тайсон! Мои братья и как вовремя! Старина Тайсон лихо ушёл под волну и бесстрашно бросился на акул. Кого-кого, а Тайсона хищницы-мако на дух не выносили... Однажды этот дог хорошенько припугнул их королеву Мегалодонну, оставив на её хвосте фирменный отпечаток своей исполинской челюсти.

Он и на сей раз хотел наподдавать акулице. Но та, подослав к кораблю своих слуг, сама не явилась на трапезу.

– Как в кино! Бои гигантов! Мне всё это снится, – повторял Мартин, крепко сжимая в своих ладонях мою шерсть, и натягивая её как лошадиные вожжи.

– Эй, визгливый! Не тяни ты так, не тяни, – не выдержал я. Но я и знать не знал, что от моего голоса парень возьмёт, да и грохнется в обморок. Вот она и миска с лыткой! Дарио-дедушка и Палома разом притихли. Но они были в сознании. Это точно.

Пока Сигара и Баро гнали акул к скале Призрачных ласто-

чек и ещё дальше, мы с Пиратом подходили к нашему берегу. Пират вёз мать и отца Ортисов. А те всё бормотали себе под мокрые носы что-то вроде «о, святые апостолы! о, что с нами будет?»

Какие такие апостолы? Мы – псы да и только... Вот, что теперь будет с НАМИ – это вопрос.

Ах, берег! Радужный перепончатый мох, вечно покрытый кристальной росой. Примнёшь лапами мягкий бугорок, как на облако ступишь. Это станция – «остров Трибукану». Без особых дорожных указателей. Здесь вы, люди и сойдёте. Не нужно благодарностей, поклонов до копчикового хруста, «мерси боку» – «гав-гав-ку-ку», но мы бы с Пиратом точно не отказались от...

– Знаешь, Шторм, я бы сейчас с радостью сожрал правый ботинок мистера Трампа! – заявил Пират, – Мне всегда казалось, что правый ботинок мистера Трампа пахнет первоклассным печёночным паштетом!

Я рассмеялся, в то время как кто-то из Ортисов прошелестел: «надеюсь, они нас не съедят... как тот самый паштет», «может, отдать им наши ботинки...». О, это шептались мамаша Ана и папаша Оскар. Я усмехнулся и с торжественным вздохом опустил на землю детей и Дарио-дедушку. Пират последовал моему примеру, но резковато, так, что хрупкая Ана еле удержалась на ногах.

Стоило Ортисам ступить на землю, как остров вздрогнул. Сонный мох сморщился и я почувствовал, как под лапами

пульсирует что-то невидимое и могучее. Нерв земли не иначе. Пират вздёрнул уши, принялся.

– Остров не ждал гостей, – заметил он, – Но больше не трясёт!

– Шторм! Вот ты где, Шторм Амиго Нью-Фо! – раздался за моей спиной голосок взъерошенного Чопса Литтла, единственного щенка на острове, – А где другие псы? – запыхавшись, спросил он.

– Подходят к берегу, – сквозь накативший чих, ответил Пират, – Чопс Литтл, от тебя пахнет дымом... А-пчхи!

– Сто коров! – пожелал Чопс Литтл, – Это не дым... Вернее дым, но мы не горим. Анемона Бланда разводит костёр. Хотела поджарить альбатросов, но вот теперь созывает совет Большой лапы.

– По мою душу, – понял я.

– Точно так, – кивнул щенок, – Ты... и все, кто бросился на помощь людям, нарушили закон Трибукану, – опустил он уши, – Помнишь: «да не ступит на остров нога человека, ибо остров – тайная обитель древнейшего собачьего племени. И ни один пёс не покинет остров, пока...»

– Пока не пробыёт час «спаси» на Тотмирье, – окончил я, – Да, я знаю закон. Только я не мог бросить этих людей...

– Простите... А где другие пассажиры корабля? – уставившись в смиренные воды Атлантического океана, выпалила Ана Ортис.

– Отправились в Норфолк. Разве не туда держал курс ко-

рабль? – вмешался в разговор, выскочивший из воды Баро-Волк. За ним на берег вышли Сигара, Конфетка и другие спасатели. Последним вернулся Тайсон.

– Акулы сегодня не в форме! – подметил он, – Разбросал их, как стаю анчоусов. Жаль, не удалось надрать хвост Мегалодонне. Ах, я бы сделал из него тысячу зубочисток!

– Что значит «отправились в Норфолк»? – перебила Тайсона мамаша Ана, – А как же мы? Святые апостолы... это какой-то кошмарный сон?

– Что вы, леди! – захлопала своими длинными ушами Конфетка, – Кошмарный сон начнётся, если фея Анемона устроит суд! Влетит всем, а в первую очередь Шторму. За то, что спас вас!

– Видите ли, миссис и три... трое мистеров, джентльменов, как вас там? – распушил свой хвост Баро-Волк, вытряхивая из него мелких крабов, – Вы, в своём роде, оказались единственным безрассудным семейством на том корабле. Растягивались друг на друга на самом экваторе! Да ещё и во время обеда под солнцем! Семейная ссора на экваторе – прямой путь к катастрофе! Те, кого вы называете «другими пассажирами» не тонули. Ко дну пошёл ваш собственный корабль. Это вас могли сожрать акулы-мако!

– Да что же за день такой? – схватился за голову Оскар Ортис, – Ну, хорошо, если уж мне довелось говорить с собакой...

– С псом, – презренно глянул на Оскара Баро-Волк, –

С потомственной карпатской овчаркой, если угодно!

– Господи, да хоть с собакой Баскервиллей! – закатил глаза папаша Ортис, – То есть вы, пёс карпатский, хотите сказать, что наш корабль преспокойно идёт в Норфолк, но без нас? Тогда что мы делаем здесь? И «здесь» – это где?

– Голубь стриженный, – ухмыльнулся Баро-Волк, – Нет, ваш корабль утонул! Ваш личный семейный корабль крикнул в щепку! Ясно это? А тут акулы приплыли, «ням-ням» и нет вас! Если бы не Шторм...

– Простите, простите! Я никого из вас не вижу, – вмешалась тут Палома, – Но я бы хотела обнять каждого, кто нас спасал... Если вы и правда собаки, значит, вы умеете обниматься с человеком.

На этих словах все замолчали, псы вежливо опустили уши. Переглянувшись, они повторили:

– Обниматься с человеком! А то!

– Ты нас не боишься? – приблизившись первым, спросил я Палому.

– Дедушка говорил, что собака – это, как праздник жизни. Можно веселиться, когда угодно! – улыбнулась девочка, глядя мне в глаза. Интересно, откуда она знала, где именно они находятся?

– Ничего он такого не говорил, не заливай! Он вечно молчит. Даже защитить меня не смог вот от них – ввязался в наш разговор Мартин, обиженно поглядывая на родителей.

Пришлось одарить его резким «р-р». Парень в момент

успокоился и уткнулся носом в моховую кочку.

– А как же наши вещи? Всё пропало! Мы пропали! – заохала Ана.

– Если вы не перестанете ныть и охать мы точно вас сожрём. Можете вставать в очередь, – пролаял Пират.

– Вот, это ваше, – вспомнил я, – и подтолкнул к Дарио Ортису его вздувшийся от воды чемодан.

Дарио-дедушка недоверчиво поглядел на меня из-под густых выющихся бровей. Скупно кивнул, и молча взял чемодан.

– Ах! Хотя что-то спасли! Дарио, я надеюсь, вы взяли с собой с десяток тёплых носков, мыло и... – начала мамаша Ана. Но тут проржавевший замок чемодана сам по себе открылся, и будто мокрая лягушка, из него выскользнул всего-то дряхлый альбом с фотографиями...

– Как же так? – только и смогла произнести Ана, как по острову прокатился страшный вой не то разъярённых медведей, не то первобытных собак.

– Это Анемона Бланда, – прищурился Пушкин. Но тут же сделал вид, будто блоха, пляшущая на его хвосте, заслуживает куда больше внимания.

– Что ж, буду держать ответ перед народом Трибукану, – расхрабрился я. А сам-то подумал: «лучше б обошлось».

– Мы с тобой! Если бы я мог броситься в воду с вами, то так бы и поступил... Но я не доел свою хрустящую игуановую шейку. Она такая... такая слюнопускательная, эх, – простонал Чопс Литтл.

– Щенок-щенок! – расхохотался Карузо, – Верно, Шторм, мы с тобой, что бы там не случилось.

– И мы с вами, – заявила Палома.

– Вот ещё! – пробурчал Мартин.

– С нами, с нами – с настойчивым лисьим прищуром про-рычала Сигара.

И по острову снова пронёсся голос первобытных собак.

НАРОД ТРИБУКАНУ

Луна и месяц те же. Эпицион.

Есть на Трибукану одно местечко – жуткое до кончиков когтей. Но и чудесное, что дух захватывает. Пик Эпицион к югу от причального берега, от кости до кости облачённый в призрачные туманы дикой древности. Те никогда не рассеиваются, храня тайну первобытной души спящего зверя. Ветры покорно обходят Эпицион, не льют над пиком дожди. Солнце и луна виляют над ним своими хвостами, осыпая макушку мудрости пылью пчелиных карамелей. Сюда мы приходим не часто: однажды, чтобы родиться; чтобы получить знак породы; чтобы отчалить в Тотмирье в час «спаси». Чтобы прожить и умереть там для человека, и снова вернуться на остров. На вершину Эпициона.

Пожалуй, и всё! Раф-тяф, ах! Ну конечно! Ещё мы взбираемся на Эпицион, чтобы отпраздновать Лёт альбатросов-пелаго. Если нам удаётся поймать хотя бы пару этих «жирненьких летающих слонов», зима на острове становится лёгкой. Коль в пасти смакуется птичий жирок, печалиться стыдно дружок! Вы скажете, будто пары альбатросов на всех собак маловато? Ха-фа-хух! Да вы просто никогда не видели этих «пташек». Слоны африканские и точка. Хоть верьте, хоть нет.

– Жуть какая... Это что скелет? – вздрогнул Мартин, застыв у подножия Эпициона и задрав свою голову так высоко, что та еле-еле вернулась на прежнее место.

– Скелет! Мёртвая груда костей, по-твоему? Суповой набор! Ха! Все псы любят кости. Те месяцами хранят в своих трещинах запах мяса – усмехнулся Пират, – Только это не просто «груда». Мальчишка, смотри! Перед тобой Эпицион. Гигант – блестящая челюсть, дух ночного огня, голос мрачных пещер... Наш предок, легендус-историус!

– Первый пёс, спасший человека от гибели, – с гордостью рывкнула Сигара, – Завалил шерстистого быка-людоеда. Одной правой лапой! Когтем одной правой лапы! А-ап!

– С тех пор ветер перелистнул с юга на север тысячи лет... Исчезли моря, народились горы... города народились, – вздохнул Карузо.

– А мы так и остались... с человеком, – заключил Ба-

ро-Волк.

– Там, где голова Эпициона ложится на подушку густого тумана, там и собирается наша и другие стаи, – сказал я, взбираясь на громадную лапу Эпициона.

– Высоко... – заохала матушка Ана, – Ах, как хочется, чтобы все это скорее прекратилось, – Дети, держитесь ближе к нам. И никуда не отходите! – велела она.

– Отец! Ты же у нас великий любитель вот этих всех... собак, – опасливо обронил Оскар, – Может, скажешь, что у них на уме?

Но Дарио лишь улыбнулся, пожал плечами, и ободряюще похлопав сына по плечу, первым ступил (за мной) на Эпицион. Я даже вильнул хвостом.

И мы двинулись вверх по упругим костям гигантского позвоночника. На полпути я спросил у Паломы:

– Устала? А то забирайся мне на спину.

– Нет-нет, не так уж и трудно взбираться на гору. С каждым шагом все ближе к вершине, верно?

– Верно, – согласился я.

– Когда я в первый раз шёл на Эпицион мне было бр-р, как страшно, – зашептал Чопс Литтл, – Тогда я понял – главное не смотреть вниз! А то голова закружится.

Палома рассмеялась:

– Что толку смотреть по сторонам, если всё равно ничего не увидишь? – сказала она, – В моих глазах темно, но я могу вообразить любую дорогу. И я всегда воображаю лёгкую

и интересную, как сейчас!

– Я тоже хочу попробовать! – подскочил от любопытства Чопс Литтл, – Нужно просто закрыть глаза? Рр-тяф! Легко!

– Эй, щенок! – окликнул его Баро-Волк, – Не советую тебе закрывать глаза на Повороте крутого реберья. Так и свалиться можно!

– А почему она так делает? – не унимался щенок, глядя на Палому.

– Потому что она не может иначе. И это не игра! Привык, что с тобой все играют и сюсюкаются, – цыкнула на Чопса манерная мадам Конфетка.

– Не игра... – засопел Чопс Литтл, – А ведь я так хотел ей понравиться и поиграть! Эй, я виляю хвостом... Мне нравятся дети. Они как я! Любят играть... и всё такое.

– Не скули, Чопс Литтл, я верю, что однажды ты снова окажешься в Тотмирье, и у тебя ещё будет шанс встретить своего верного человека! И подрасти до мордастого лабрадора, – пообещал я щенку, сам не ведая, говорю ли правду, или просто вселяю надежду по-псовски.

Туманы сгущались, всё плотнее прижимая нас к острому черепу дремлющего великана. И вот настал тот миг, когда они разом обмякли, надулись мыльными пузырями и забурлили, мелодично лопааясь в чаше морозного воздуха. А после, по обыкновению, превратились в аппетитные ватные облака. Они встречали каждого пса, добравшегося до пика Эпициона. Но на этот раз никто не осмелился отцапать их

лакомого кусочка. Анемона Бланда не любила ждать!

Вот она – парит над снежной вершиной Молко на своих шелковистых стрекозиных крыльях. Сложно сказать, как такие тонюсенькие жилистые крылья выдерживают великую фею. В сравнении с мелкими волшебниками скандинавских лесов, наша Анемона Бланда выглядела великаншей. Как бабочка-парусник среди неказистых муравьев. Ух, она нас заметила! Заметила и глядит мне в глаза. У Анемоны есть дурная привычка – заглядывать прямо в душу. А с пятницы на субботу она ещё читает мысли. Значит ли это, что фея Трибукану знает о своих гостях всё? Клянусь старым блохастым котом из Йоркшира – ума не приложу! Но сегодня пятница...

– Все в сборе, даже старики-полтысячники (*это собаки на пенсии, они уже не летают в Тотмирье. Им всем по пятьсот лет за глаза. И у них тут своя стая – пенсионно-посиделковая III.*) – шепнула Сигара, – оглядывая белоснежный пик, где у каждого сугроба, да и в каждом сугробе сидели псы: седые от когтей до носа сенбернары, хаски, левретки и шпицы, томные рыцари средневековья – блаухаунды, борзые, колли и шелти, лорды – бульдоги, бархатно-песочные мопсы и... ах, Сигара была права – все в сборе. Сколько же нас на острове? Сотни или тысячи... Пожалуй, точно и Анемона Бланда не помнит!

– Шторм Нью-Фо и вся честная компания! – пропела фея Трибукану, – Потрёпанные, мокрые! Отвратительно непо-

слушные! Только одна стая нашего народа ведёт себя, как ей вздумается. Вот исключу вас из весеннего списка полётов! Мышь бы вас подрала!

– Нас вообще-то акулы подрали... немного! – прорычал Пират.

– Эй, не они нас, а мы их! – буркнул Тайсон.

– Тш-ш-ш! – рывкнула Анемона Бланда и одним взмахом крыльев напустила на нас снежную бурю, – Охладитесь, герои! Глядите, народ Трибукану! Эти псы привели человека! Ох... вернее целую стаю!

– Пришельцы из Тотмирья... Это запрещено, – зашептались шпицы.

– Шторму закон не писан! Гнать такого вожака в гнилую будку! Хотя нам-то он и не вожак. Верно, наш Боцман себе бы такого не позволил, – зафыркали бульдоги.

– Анемона! Прекрати бурю! Люди замёрзнут, – рассердившись, потребовал я.

– Дети могут заболеть! – поддержал меня и малыш Чопс. Бесстрашно подскочил к дрожащей Паломе. И прижался к её ногам, – Грейся! Я тёплый.

Буря утихла. Синеватыми клубами дыма вернулась она к Анемоне. И свив над её головой высоченную ветряную шляпу для прочих колко-морозностей, задремала. Фея клацнула своими клыками, и спустившись с Молко, устремилась к нам.

– Лучше б нас убили акулы, а не вот эта вот ведьма, – съё-

жился Мартин, – Или она не ведьма, а оборотень? Дедушка... доставай скорее нож. А не то... не то я сам сражусь с ней!

– Доставай нож! Нож! Ах-ха-ха! – пораскинула эхом Анемона Бланда.

Дарио-дедушка, так и замер. Он не мог пошевелить ни головою, ни руками, в одной из которых (в тайне) он всё же держал нож. Вместе с Дарио застыли все Ортисы. Даже Палому фея не пощадила.

– Ауф-фуф, стреляная утка – тишины минутка! Как хорошо, – заскрипела коготками по льду фея Трибукану, – Человеческая брань и глупости режут мне уши. Одичавшее семейство, что и сказать. Назвал меня ведьмой! Оборотнем, монстром! Бараны-бураны, овца без сальца! Да что ты, человеческий щенок, знаешь о монстрах? Или ты думаешь, если пред тобою предстало диво с человеческим туловищем (знаешь ли, не самый удобный механизм), головою пса и парусами безудержных крыльев – это непременно нечто опасное? Ха-ха-ха! Верно, опасное. Но есть на свете чудовища и пострашней меня. Ты замер здесь и сейчас, потому что каждый пёс нашего острова в этот миг испытывает изумление и страх. Человек! Это не твоя территория. Здесь и я боюсь тебя, человек, – выдохнула наконец Анемона Бланда, – А тебя не боюсь, – обратилась она к Паломе, – Ты не видишь... ни меня, ни острова, никого. И вряд ли укажешь дорогу туда, куда не нужно. К тому же, – обратилась фея к своим псам, –

Эта девочка очень добра. Пожалуй, в силу возраста... Сколько ей? Пять, шесть, семь человеческих? В силу своих лет ещё не научилась нести полную чушь. Ах, и всё же я люблю тебя всякого, человек, – улыбнулась Анемона Бланда, – Но сегодня говорить будут псы. Итак, Шторм Нью-Фо, народ Трибукану хочет знать!

– Народ Трибукану! Народ Трибукану! – пролаяло собрание.

– Зачем ты спас человека? Корабль «Сальвадор-Норфолк» – не первое судно, которое чуть было не унесло ко дну. Каждый из вас знает, почему корабли с человеческими душами, вот вроде этого, терпят кораблекрушения! Зачем же, Шторм?

– Моё сердце... Это оно велело мне броситься в воду, – сказал я, чувствуя, что Анемона медленно и внимательно читает мои мысли. Но боится им и поверить.

– Сердце? Невероятно... Можно ли возразить? – встрепенулась Анемона Бланда, зазвенев серебряными струнами своих крыльев, – Свободное сердце пса! Случай такой – один на миллион миллиардов. И против него, если мне не изменяет память, нет закона. Но уверен ли ты, что...

– Тот самый, да! – сказал я.

– Ну, разумеется... Глупая фея! Иначе бы ты не покинул остров... – похрустывая когтями, согласилась Анемона, – Что ж, суда не будет, ни для тебя, ни для твоих верных братьев. Суда не будет! – объявила она, и трижды щёлк-

нув кончиком хвоста, сделала так, что все сугробы Эпициона растаяли, а на их месте зацвели махровые кусты душистого папоротника. Над туманами раскинулась поющая радуга и вспыхнув, осыпала псов конфетти из озорных стрекоз. И все, даже старики-полтысячники, как щенки помчались за стрекочущими летуньями, уже и позабыв зачем они собрались на Эпиционе.

Хм... немного магии и готово! Псы устроили чехарду. А наша фея тем временем прошептала всё так же взволнованно:

– Доказательства!

Я подошёл к заколдованному Дарио, аккуратно вытащил из его развалившегося семейного альбома одну фотографию и протянул её Анемоне. Та еле сдержала смешок, слезу и ещё... восхищение. И сказала:

– Неожиданно чудно! Стало быть, вот он – билет на остров. Люблю старые фотографии... Эта из 40-х? Зайдешь ко мне как-нибудь в пальмовую тень, я тебе и свои покажу. Ах, совсем заговорила! Друг мой, ты же понимаешь, что мы не сможем теперь просто так отпустить этих людей? То, что случилось – не случилось никогда прежде! Я должна посоветоваться с Когтем фон Абъдусом... Полечу к нему! – и тут Анемона задумалась, – Или не стоит лететь? Ах, из-за всех этих чужих мыслей и страхов в моей голове просто фейерверк случился! Послушай, Шторм, ты приютишь этого молчуна и ребёнка-девочку в своём доме. Накорми их и пускай

хорошенько поспят.

– А что с остальными? – испугался я.

– Да скормить их акулам. Те только рады будут. Испортили зубастым обед! Благодарности от этих людей никакой, все ноют и ноют, – сердито проговорила Конфетка. На её лапе блестела царапина – свежий подарок от злющих мако.

– Тш-ш! – нахмурилась Анемона Бланда. И ветряная шляпа над её головой снова зажужжала морозными молниями, – Об акулах ни слова! Ненавижу акул... Ах, постойка-ка, Конфетка, дай лапу! – фея внимательно осмотрела рану, и одним своим дыханием её исцелила. И вот тут уж спросила, – Вы что же спасли это семейство от акул?

– Вроде того... Корабль пошёл ко дну, и на запах «обеда» приплыли акулы.

– Ну, герои-герои! – рассмеялась фея, – За то, что утёрли акулам носы, будет вам особенная награда! Отправляйтесь к пристани Бутсфол, там как раз волны вынесли на берег новенькие ботинки и много чего ещё! Всё, что найдете – ваше. Остальные псы придут после. Да загоните себе в Костяном лесу сахарного костобега. И покрупнее! Разрешаю... Спешите! А Шторму я ещё кое-что скажу... на ушко.

Итак, раз уж закон Трибукану я нарушил лишь наполовину, а на вторую половину неожиданно стал героем, фея острова повелела вот что: *«приютить и обогреть в собачьем доме людей, невиновных в кораблекрушении. А тех, кто сотрясает своим гневом и страхами воздух, кто своими мыс-*

лями мешает фее сосредоточиться и принять верное решение нужно... нужно посадить в озёрные пузыри мадам Глоточки». Глоточка – это в своём роде рыба, что-то между китом и пираньей, местная достопримечательность с непростым характером! Но пузыри у неё хоть куда! Так вот, Анемона сказала, что Мартин вместе с мамашей и папашей Ортисами будут сидеть в них до тех пор, пока не изменят своих мыслей. С гаденьких будничных на приятные хвостовилятельные! А знаете, что самое страшное? Если всё-таки грустные мысли в их головах перевесят хотя бы на пол вздоха, то озёрный пузырь лопнет и Ортисы свалятся в воду... а там? Там их сожрёт вечно голодная старуха-Глоточка. Вообще-то эта тысячелетняя прожорливая пасть, питается отбившими-ся от стада костобегамии. Но и от новых заманчиво-живых костей вряд ли откажется! Ох, надеюсь, там в пузырях Ортисы не устроят перебранку! Идти за мной они, конечно же, отказались. Мартин даже хотел сбежать. Но Анемона Бланда связала их прочным узлом северного ветра и велела стрекозам нести семейство по моему следу.

Уже в сумерках мы отправились на озеро Плакко, на северо-восток острова.

– Постой, Шторм! Можно с вами? – догнал нас малыш Чопс, – Анемона сказала, что разрешает, если разрешаешь ты... И ещё сказала, что я, как самый младший, смогу присмотреть за щенком-человеком. Вот за этой Паломой.

Ну... приплыли! Я видел, как Чопс Литтл легко и креп-

ко привязывался к девочке. Я знал, что это может обернуться собачьей верностью. Как не к месту! Не вовремя. Чтобы обрести своего человека пёс должен оказаться в Тотмирье! В назначенный час. Пёс в Тотмирье, а не человек на Трибукану. Но за последнее в ответе был я. А потому не смог возразить щенку. Раз такой кроха, сам последовал за человеком, его уже ничто не остановит... Поэтому я и попросил Чопса Литтла отвести Дарио-дедушку и Палому в мой дом на Сонхолме, развести саламандровое пламя и приготовить ужин. А мне предстояла пренеприятнейшая встреча с Глоточкой...

– Что за шуточки? Отчего я не могу сожрать этих пучеглазеньких двуножек просто так? – удивилась Глоточка, высунув из под вечерней лиловой воды свои окаменевшие ноздри.

– Так велела Анемона. Это такое испытание, понимаешь? – сказал я.

– Испытание для меня? Или для них? Я голодна, как... как сама я. И нечего меня испытывать! – забурлила рыба, – А если в их головах народятся добрые мысли? Что же мне, голодать? А знаешь, я их специально пугать буду! – и она снова спряталась под воду. Выбросила в воздух три огромных парящих пузыря и пробубнила, – И вообще, мои лифт-пузыри не для того изобретались! Наипрочнейшие, сверхвоздушные, способные вынести любую грозу и молнии! Ах, пёс, они нужны для того, чтобы...

– Чтобы летать в Тотмирье! Знаю, Гло, но... Анемона

очень просила, – вздохнул я.

– Ладно. Даю им время... до первого луча солнца! Если к рассвету в головах этих людей не переведутся дурные мысли, я сожру каждого, кто упадет в озеро! – заключила Глоточка и все Ортисы мигом оказались внутри своих пузырей. Повисли в воздухе и принялись кричать, но когда поняли, что от криков пузыри скрипят и становятся тоньше, угомонились, а что было потом... да я и не видел. Я спешил домой!

Крошечные стада улиток-фонарей, стянувшись на Сонхолме, и напившись гранатовым закатом, зажгли свои раковины зеленоватыми дрёмными огнями. Псы, которые всего лишь раз или два служили в Тотмирье, утверждают, будто дрёмные огни Сонхолма самые убаюкивающие огни в мире. Будто, глядя на них, понимаешь, что вот он, дом. Но там, в Тотмирье, я видел свет куда более тёплый, живой и поющий! Вы когда-нибудь слышали трескучий шёпот поленьев в домашнем камине, когда маэстро чубатый огонь, то робко, то с торопливым надрывом играет на тлеющих клавишах свою полуночную. А ты лежишь напротив, подмяв под себя золотистую овечью шкуру, и вспоминаешь, каким дивным был уходящий день. Завтра по-прежнему расписанию? Или придумать что-нибудь новенькое? Ты в ответе за своего человека. Каждый день он должен расти и развиваться. Думаешь, где бы ему прогуляться, что съесть на завтрак... Отпустить его на работу или оставить дома. Дома столько веселых игр. Жёлтый теннисный мяч... Хм, он человеку уже

надоел. Но играть придётся! Ведь он всё ещё не научился бросать его «по траектории радуги-дуги», размах солидный – толку нет! Ещё можно устроить совместный захват резиновой утки. И непременно в саду. Иначе, мой человек снова что-нибудь сломает. А кому прибирать? Вчера он пытался отобрать у меня утку, да с таким усердием вцепился в неё своими передними лапами, что когда я ослабил захват, человек не удержался и вепрем бухнулся на туалетный столик нашей уважаемой сеньоры! Ба-бах! И двухлитровый флакон духов с чихательным для меня, но любимым сеньорой ароматом французско-улиточных булок, свалился на пол и... разбился на тысячу панцирей. Ой, вони-то было. Я ему всегда говорил – играй аккуратней, большой уже мальчик. А сколько ему, мальчику-то было? На осеннем торте я видел вот такие знаки: 31. Он тогда ещё заявил, что теперь старше меня! По человеческим меркам. Глупыш! Вот если бы «старше» и «умнее» – это было одно и то же... тогда б я понял, чего он расхвастался!

Итак, теперь расписание на завтра... Записать бы где, а то забудется. Когтем на полу черкну, и под шкуру овечью спрячу. Так будет надежнее. Нужно этот метод взять на заметку – расписание на полу (на полу больше дел влезет). Эх, хорошо паркет когтю поддаётся.

##РАСПИСАНИЕ##

Третий день марта

#6:30 5:45 – рассвет, разбудить Глупыша весёлым лаем. Лизнуть в нос три раза (уважаемую сеньору и малыша «Оса» не тревожить! Воскресенье всё же).

#6:00 – попытка №2. (Глупыш с первого раза в воскресенье точно не проснется). Стянуть с него одеяло и сбежать. Если и это не сработает – применить экстренный лай «волкогон». Но не раньше 6:05!

#6:15 (ну, примерно) – зарядка для Глупыша...

– Пробежка вниз по лестнице с криком «Благодарю тебя милый друг за то, что разбудил меня! Я так хотел встретить с тобою рассвет!»

– Прыжки в высоту за моим поводком. Придётся не сладко. А что делать? Не нужно было закидывать поводок на антресоль. Думаю, с третьего прыжка он справится.

– Поиск ботинок. Весенние солдатские ботинки 42-го размера стоят за весенними зелёными ботинками малыша Оса. Но спросонья можно и перепутать. Разница только в размере и потёртых носках.

!!! ГУЛЯШЕЧКА!!!

6:30—7:30 – (цель: успеть до жары! Моя шкура и жара несовместимы... А стричься я категорически отказываюсь), прогулка вдоль и поперёк набережной, перелайка с чайками, приятные находки: фантики, бутылки с застывшими капель-

ками сладкого рома на пыльных боках, солоноватый трос прогнившего катерка «Коко-Джамба». Как же мне хочется пожевать этот аппетитный трос! Уверен, на вкус он точно, как шторм, заправленный жирной селедкой.

8:00 – семейный завтрак с участием сеньоры и малыша Оса. А на завтрак у нас...

##

– Эй, друг, не спится? – вдруг вспыхнет над моим ухом и я, не успев спрятать под шкурой наших планов на будущее, так и быть... завилая хвостом. Ему тоже не спится. Принёс мне сырны галеты. Штуки четыре? Лизну его в щёку. А он не бритый такой и солёный. Не человек – морская губка!

– Ты чего это на полу учудил? – спросит он, глядя на мои каракули.

– Где? – прижму я уши, тщательно прикрывая пёсьи иероглифы. Так не видно?

– Наша сеньора будет очень недовольна. Хороший был паркет...

– Планы тоже хорошие были... – скажу я про себя. И поделюсь с Глупышом своей галетой. Пусть знает, я – не жадный. А паркет... ох, уж. Нужно подыскать мне другое местечко для записей.

– А махнём завтра на окуня? Прямо с самого утра, в 5:45 проснёмся и на рыбалку! – предложит он вдруг.

Вот так раз, и всё моё расписание к жуковой бабушке!

Как я счастлив! Наброшусь на него со всей радости, завалю на шкуру и как залижу-залижу! Что прямо устану. А он... он будет пыхтеть и смеяться, потом я обязательно поддамся, и он тоже поборет меня. И захрустит моею галетой. Смешной, совсем ещё щенок, этот мой человек! Скоро утро, но огонь в камине будет гореть до тех пор, пока мы сами не отправим его на боковую... Этот огонь я не забуду никогда. А улитки-фонарики – это не тепло и не холодно, а всего лишь красиво.

Народ Трибукану, мои друзья, псы-великаны грызут сахарные кости костобега с таким вкусом, что хруст стоит огого заразительный. Тишина на Сонхолме и вот этот хруст. Пират грызёт громче всех, Карузо мелодично. Пушкин до капли высасывает весь костный сок. Конфетка предпочитает глотать голени... Я слышу каждого, кто помог мне минувшим днём. Пусть и моя доля костей рогатого костобега достанется моим друзьям. Я не голоден, я по-щенячьи растерян и счастлив.

– Кто вы такие? – вдруг услышал я голос Дарио-дедушки и все мои мысли разом улетучились вместе со стаей летучих мышей – пещерниц. Обычно те собирались над Сонхолмом в миг, когда солнце уходило за океан. Раскидывали паутины своих небесных арф, и принимались за колыбельную. Вовсе стемнело. Паутинки взяли ноту «аф», точнее будет «фа», затем «соль» и колыбельная, уцепившись за еловый бриз, поплыла над Трибукану.

– Кто вы? – повторил Дарио-дедушка, опершись на мою бутсошную хижину, – Мы в плену?

– Трибукану – не плен, это остров, – сказал я, – Вы... в гостях.

– Я не говорил столько лет, чтобы вдруг вот так взять и заговорить с собакой, – хмыкнул Дарио, – Я тебя не боюсь, пёс, и друзей твоих не боюсь. И она, – указал он на Палому, играющую в хижине с Чопсом в «отбери носок» – Тоже не боится. Хотя если б увидела вас, то наверняка бы ужаснулась... Вы почему такие здоровые?

– Когда-то все псы были такими, как эпицион, наш предок. Огромными и клыкастыми. Древнего человека не отпугнула наша внешность, за ней он разглядел преданное сердце, – сказал я, – Человек твоей эпохи – иной... Вот он стал экспериментировать с породами. И в кого мы только не превратились: в пекинесов, в такс, в разных терьеров. Одни собаки удобнее для городов, с другими хорошо в деревне! Но возвращаясь в Тотмирье, мы обретаем свой привычный размер, каким он и был в древности. А породы, изобретение человека, мы благодарно приняли. Когда все мы разные даже интересней.

– Что за Тотмирье? Америка, Германия, или может, Россия? Или вся планета Земля? – прищурился дедушка.

– Это мир, где рождается человек. Рождается и умирает. Человек, но не собака, – ответил я.

– Псы и коты рождаются там же, – пожал тот плечами.

– Заблуждение! Так думает человек. Зайдём в дом? Я расскажу тебе нашу легенду.

(Этот печатный знак мне нравится. Он напоминает собачьи лапы! Нужно добавить к нему четвертую «звёздочку»)

– О, Шторм! Наконец-то! Погляди, у тебя здесь новенькие сухопутные бутсы и все с крепкими шнурками. Пять пар, так и есть! Из них можно и второй этаж твоему дому построить, – с восторгом воскликнул Чопс Литтл, – Пират и Тайсон с пристани притажили. Сказали, там ещё есть!

– Отличные бутсы, – заметил я, обнюхав безразмерные старые ботинки, выброшенные на берег Трибукану приливной волной, – Вот эти будто бы из Англии, носки добротные. Пахнут дымом. Но шнурки не от них, чужие. Видно прежнее порвались... или ещё что! А эти верно итальянские, правый ботинок отдаёт терпким запахом сыра! Так бы и сожрал. Просохнуть бы им хорошенько.

– Вы коллекционируете ботинки? – полюбопытствовал Дарио-дедушка, – Собачье племя неисправимо. Вот и мой пёс... – припомнил он, усаживаясь на корточки у саламандрового пламени, – Вернее, когда у меня был пёс, он тоже любил всякие ботинки. Одни грыз, а другие прятал...

– Собачье племя. Так и есть, – кивнул я, – Здесь, на Трибукану, ботинки нам нужны, чтобы строить жильё. Отличные хижины получаются из человеческих ботинок! Те, что покрепче мы используем вместо стен, другими можно выложить ставни. Да и каждому псу, порой, просто приятно окаться в ботиночном царстве. Ведь от каждой пары пахнет человеком.

– Месяц за месяцем приливная волна из Тотмирья приносит на остров новые ботинки, – заметил Чопс Литтл, – И мы можем взять их! И никто нас за это ругать не станет. Человеку-то они уже не нужны. Но что для вас старьё, для нас – радость!

– Мне тут одну легенду обещали, – заметил Дарио-дедушка, – Про народец Трибукану.

– Дядя Шторм, я бы мог рассказать! Я всё знаю, – заявил Чопс Литтл, – Вот слушайте: ТРИ – БУ – КА – НУ, остров, где мы живём. Имя ему придумала первая фея с собачьим хвостом. Добавила немного латыни, и вышло два слова «трибу» и «кани», вместе они означают «племя собак»! Верно?

– Продолжай, – улыбнулся я.

– Народ Трибукану создан для человека, – продекламировал Чопс – А человек для него. Мы приходим в Тотмирье однажды, чтобы вырастить и выучить того, кто в нас сильно-сильно нуждается. Чтобы подарить человеку счастливую жизнь. Или спасти.

– Звучит интересно, но очень странно. Разве не наобо-

рот? – возразил Дарио-дедушка, – Разве человек не сам выбирает, растит и учит собаку разным командам: «сидеть», «лежать», «голос»? Разве...

– Нет! – улыбнулся я во всю челюсть, – Сколько хозяев у меня было, а всё совсем наоборот, так, как сказал Чопс.

– У тебя было много хозяев? – спросила Палома.

– Достаточно, – кивнул я, – Достаточно, чтобы сказать – я кое-что знаю о человеке. Со многими я доживал до старости. И каждого помню. Кого-то особенно, кого-то чуть меньше. Пусть вас это не пугает, друзья, мне почти двести лет. За это время я побывал в Тотмирье... а сколько? Нужно посчитать. Но я вырастил много-много разных людей.

– Стоп, всё это похоже на сказки, – нахмурился Дарио-дедушка. Но в глазах его промелькнула голодная ящерица интереса, готовая слушать и слушать, лишь бы утолить своё любопытство, – Мой пёс умер на моих руках: старым, седым, и надеюсь счастливым. Мы очень дружили. Я рыдал как мальчишка, когда он ушёл. Я же вырастил и воспитал его. А вы хотите сказать, что это он меня воспитывал? И судя по вашим сказкам, он может быть среди вас на острове?

– Если только не пробил его новый час «спаси» на Тотмирье, – заметил Чопс.

– Всё возможно! Но лишь древность знает наверняка. Помнишь ли ты, как его звали? – спросил я.

– Шутки со мной шутите? – сказал Дарио-дедушка.

– Хм, какой серьёзный! Вы, люди, много чего не види-

те! А мните себя всевидящими! – хихикнул Чопс, – Умирая на вашей земле, мы возвращаемся на Трибукану в огромном озёрном пузыре мамзель Глоточки, – сказал щенок, – Как бы и не умираем вовсе. Такая правда.

– Это забавно! Выходит, что сидя здесь на острове, вы сами выбираете себе человека? И «вуаля» несётесь к нему на землю? – ещё сильнее удивился Дарио-дедушка.

– Уже ближе, – затряс ушами Чопс Литтл, – Мы вроде спасателей от всяких напастей: вооруженного ограбления, дурного настроения, ночных кошмаров, от обжорства, наконец! Всегда приятно спасти человека от обжорства. Особенно, если тот решил... обожраться... вкусеньким мясом!

– Ох, хлебнуть бы сейчас рому. И пожалуй целую бочку, – расхохотался Дарио, – А эта госпожа с собачьей или волчьей головой и крыльями – это кто? Злая ведьма или ещё одна загадка Мона Лизы?

– Это фея! – смешливо отозвался я, – Анемона Бланда – последняя фея народа Трибукану. Она хранит наши законы и направляет нас в Тотмирье в час «спаси» (*в то самое время, когда человек маленький или большой нуждается в нашей помощи*). Оберегает остров от штормов и чудесно готовит клювы жирных альбатросов на синем пламени!

– Если фея последняя, значит, были и ещё? – спросил разговорившийся не на шутку Дарио.

– Верно были... но мы о них ничего не знаем, разве что однажды я слышал о фее Клацклык, старшей сестрице нашей

Анемоны. Говорили, будто и та правила островом не один век. Но саму Клацклык я никогда не видел.

– И я не видел, – почесал за ухом Чопс Литтл, – Псы-полтысячники говорили, что между Анемоной и старшей сестрой случилась ссора. А после Клацклык взяла да и смылась в объятия бури! Но об этом здесь не принято сплетничать.

– Мартин тоже очень любит ссориться, а я нет. Я ему говорю, что мириться куда интереснее, – призналась Палома, – Ох, а где же сейчас Мартин? Милый, Шторм, что же будет с папой и мамой и с нашим Мартином?

– Сейчас будет ночь... а там увидим, – сказал я, – На Трибукану ничего дурного не может случиться. Во всяком случае, так было раньше. До того, как мы нарушили правила и привели сюда человека. Ни один человек не должен был знать о существовании острова... Такое дело!

– Почему же? – не удержалась Палома.

– Никто точно не скажет, – потягиваясь, пролепетал Чопс Литтл, – Наверно, если бы человек узнал о Трибукану, ему бы захотелось вернуть своего друга. Или старые ботинки, заброшенные на Бутсфол...

– Или завладеть сокровищами острова. Ах, длинный мой язык-лопата! В общем, если ты человек, то на Трибукану лучше тебе быть слепым, глухим, или немым, чтобы ничего лишнего не разнюхивать, – заключил я, будучи уверенным, что в этой компании мне скрывать нечего. Если только...

– Тоже мне «Остров сокровищ»! Стивенсону и не сни-

лось, – рассмеялся Дарио-дедушка и приобнял Палому, – Вот, Палома, твой дед уж помирать собрался, а тут чудеса привалили! Как жить теперь будем с чудесами? Или нам не жить? Всех до одного съедите? Ах, мы слишком много знаем, мы слишком много знаем! – как-то нелепо расшутился он.

– Что это там мелькает? Прошу меня отпустить, – вскочил я, – Анемона Бланда на Сонхолме. В такой час... Ночь не её конёк. Обычно фея несёт вести с рассветом. Или разговор и впрямь серьёзный? Поглядите, как сверкают в лунных лучах её крылья. Мы спасли вас – это похвально, но чтобы спасти вас снова и вернуть в Тотмирье (и лучше бы живыми) нужно ещё кое-что.

ДОЛИНА НАЧАЛА НАЧАЛ

Когда я вернулся в хижину, огненные саламандры уже свернули свои трепетные хвосты шипящей рулеткой. И пламя в каменной чаше угасло, оставив в её звёздчатых трещинах робкий треск жёлтых искр. Дарио и Палома, укрывшись ворсистыми крыльями белоснежного шелкопряда, устроились на гигантских листьях триасского папоротника-лилолика, и крепко спали. Я обнюхал их, как можно тише, и лёг рядом. Ого, а что это здесь такое мягкое! Чопс-негодник, раф-тяф-тьфу!

– Чопс Литтл! Ты все ещё здесь? – пропыхтел я.

– Не смог оставить Палому... – открыв один глаз, промямлил щенок, – Шторм, можно я тоже у тебя останусь?

– Так ты уже остался. Ну-ка уходи домой. Там твоё место, – сказал я и сделал вид, что сплю самым крепким сном.

– Мы с тобой хоть и дальние, а всё же родственники, а ты рычишь, как старая такса. Гадкий ты, Шторм. Злюка! – обиделся Чопс, но с места не сдвинулся.

– Укушу! – пригрозил я, – А впрочем... Ночуй ночь. А как солнце взойдёт – домой отправляйся. Не стоит тебе во взрослые дела лезть.

– Как солнце взойдет... – повторил Чопс, и повернувшись на другой бок громко засопел.

Как же эти щенки быстро засыпают, подумал я. Едят

быстро, бегают быстро, живут быстро эти щенки... У Чопса в Тотмирье был всего-то один человек. Ему, бедняге, мало воспоминаний выпало. Но меньше мыслей – глубже сон! Не так ли?

Мне же в эту ночь было не до «летающих косточек». Я думал о словах Анемоны Бланды. Из хорошего: семейство Ортисов всё-таки можно вернуть в Тотмирье. Из плохого: этот путь станет смертельно опасным... Если того раньше половину из них не сожрёт наша уважаемая Глоточка. А если сожрет, то что? Пока я боролся с мыслями о завтрашнем дне и надеялся, что Ана, Оскар и Мартин всё же перестанут ругаться и подумают о хорошем, Чопс Литтл беззвучно встал и крадучись устремился к выходу. Развязал на двери замковые шнуры, щёлкнул задвижным каблуком и вышел. Неужели домой? Одумался все же! Правильно, нечего прививаться к человеку, которого вскоре придётся отпустить.

Но вдруг что-то заставило и меня подняться, и также беззвучно последовать за щенком. Прослежу-ка, не заблудится ли он среди ночи. Где уж там! Хитрый щен, да миска с лыткой! Вы только поглядите, что он задумал!

Скатившись кубарем с Сонхолма, Чопс Литтл припустил к берегу. Океан дремал. Звёзды припали к хлопчатой макушке тумана и давай высматривать в воде всех, кто так и не решился этой ночью уснуть. Столетняя зелёная черепаха к своему счастью наконец-то подползла под их лучи, и разобрав корзинку с кудрявыми водорослями, принялась

вязать купальные костюмы своим внукам. А тех у старушки было штук восемь, а то и десять. О, как же она испугалась, когда обезумевший Чопс Литтл, ворвался в воду, и ухватив зубами длинную ленту лунной дорожки, потянул её на себя. И чем усерднее он тянул, тем скорее луна, подобно громадному мельничному колесу, скрипя и упираясь, поворачивалась против часовой стрелки, всё отдаляя час рассвета. О, рыбы-рогатые! Он перегрыз ленту луны, и проглотил её лёгкие молочные кусочки в один присест. Даже не ойкнул. Я хотел было остановить его, наказать за коварное хулиганство! Укусить, взлохматить пух на его бесстыжем вертлявом заду, но передумал. Если рассвет придёт позднее обычного, значит и у семейства Ортисов будет лишнее время, там над озером Плакко. Значит, я смогу хоть минутку вздремнуть, и придумать, как исполнить волю Анемоны Бланды наилучшим образом.

Только я повернул назад, как услышал:

– Дядя Шторм! Эй, гляди-ка!

Чопс, мерзавец, это он звал меня. Почуял, что я слежу!

– Шторм! Скорее к воде! – протягивал он.

– Не лай, щен! Тише, говорю, тише! – потребовал я, и всё же поспешил к Чопсу.

Он стоял у воды неподвижный, а вот его нос старательно обнюхивал нечто. В темноте я и не сразу сообразил, а это была печатная машинка! Самая настоящая, фабричная, с круглыми чёрными клавишами и букетом океанских водорослей

в механизме. Вот так находка.

– Это что за чудовище, Шторм? Оно пахнет железом и... и вот эти головастики (*так ему представлялись клавиши*), очень странно щёлкают и звенят! Будто хотят заглушить моё сердце!

– А ты их не трогай, механизм-то непростой. Не каждый человек по этим клавишам стучать сможет, – предупредил я. И как можно изысканнее обнюхал печатную машинку. Я видел подобную у своих людей. Проще если я буду говорить «хозяев»? Но вы же уже знаете, что это не совсем так!

Одна машинка жила у англичанина Джо Уайта, тот был учёным-ботаником, исследовал одичавшие розовостеблевые розы. Он очень много писал. Особенно ночью. Другой такой печатный агрегат я запомнил по кабинету Глупыша. Он как-то при мне назвался газетным писакой. Я думал, это ругательство. Оказалось – профессия. Но на этой машинке он не работал. Она досталась ему от прадеда, и поживала как-то совсем безжизненно. Ах, что вы! Иногда он будил её ради игры! Видите ли, Глупыш хранил в лунке клавиш свои сигары. Порой, нажмёт пальцем, не глядя на клавишу, та как даст сигнал своему буквенному механизму, а тот как подбросит в воздух сигару и прямо человеку в пасть (какой уж тот рот, настоящая пас-ти-ща). А тот как зады-ми-ит! Порой сигарой и в меня прилетало. Я отбивал её головой, как Марадонна футбольный мяч, и сигара снова возвращалась в лунку клавиш. Однажды, в сотый раз сочиняя планы на грядущий

день, я всё никак не мог придумать, куда же их записать! Паркет и стены были под запретом. Тогда я стащил у нашей сеньоры бумажную стопку. Вставил лист в печатную машинку и попробовал «отбить на ней пару слов». Правая лапа промазала, левая тоже, я разозлился. Сменил лист. И давай по новой. Промах за промахом я научился выписывать слова «гулять» и «обед», расставлять пробелы. Но как-то раз сеньора затеяла ремонт с «большими переменами» и машинку решили сдать в антикварную лавку, где обитали разные ненужности. Я запротестовал! Но наша хозяйюшка не слишком-то понимала, почему я лаю и топчусь у дверей! Хвостом-то я не вилял, отнюдь! Глядел исподлобья и фыркал. А что хозяйка? Она попросила юного Оса дать мне кость и немного сыра, подумала, что это я от голода «с ума сошёл». А я ни с какого ума не сходил и был весьма расстроен, что с печатной машинкой случилась такая несправедливость! Помню, как-то Глупыш сказал, словно хозяин антикварной лавки выручил за нашу ветошь приличные деньги. Мне было все равно. Деньги я не любил. Они пахли незнакомыми руками, потом, пылью и кислятиной. Лучше бы люди расплачивались друг с другом сыром... или итальянскими ботинками. И то и другое пахнет отменно! Говяжьи уши! Говяжьи уши тоже подойдут.

Принюхавшись к печатной утопленнице ещё разок, я распознал вкус сигар. Крепких сигар, сладкого парфюма и вышарканную шлейфовую нотку собачьей шерсти.

– Шторм, ты же не скажешь Анемоне Бланде, что я ночь назад перемотал? – поджав уши, спросил Чопс Литтл.

– Не скажу.

– Тогда можно мне вернуться в хижину? Можно? Я бы хотел подремать у ног Паломы. Должно быть её ноги там без меня совсем замёрзли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.